

МИХАИЛ ЩЕРБАЧЕНКО

КРУИЗ ДЛЯ СРЕДНЕГО КЛАССА

Михаил Львович Щербаченко

Круиз для среднего класса

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23881904

Круиз для среднего класса / Михаил Щербаченко ; Художник Александр

Егоров: Московские учебники; Москва; 2017

ISBN 978-5-7853-1534-1

Аннотация

Наблюдать за другими – навык нехитрый, им владеет каждый. Извлечь из наблюдения удовольствие и пользу, обогатить за чужой счет собственный опыт – это уже следующая градация. За которой следует высшая, в понимании автора книги, ступень: уметь наблюдать за собой наблюдающим. Возможно, лучший способ разобраться в себе. И уж наверняка самый интересный. «Круиз для среднего класса» – третий по счету сборник новелл писателя и публициста Михаила Щербаченко; ранее вышли книги «Краткий курс научного карьеризма» и «Жизнь как искусство встреч». Все они, по определению автора, являются результатом подсматривания и подслушивания, угадывания и домысливания. Иногда – рассматривания своего отражения в зеркале. Реальных историй в книге гораздо больше, чем фантазий. Так что любые совпадения автор просит считать не случайными.

Содержание

Наблюдение за наблюдателем	4
Финансы поют романсы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Щербаченко

Круиз для среднего класса

Наблюдение за наблюдателем

Очень мне нравится старый французский анекдот. В борделе висит преёскурант: интим – 100 франков, наблюдение за интимом – 200 франков, наблюдение за наблюдателем –

300 франков. Тот, кто это придумал, глубоко понимал иерархию человеческих ценностей и проистекающую из нее систему ценообразования.

Наблюдать за другими (мы уже не об интимах, разумеется) – навык нехитрый. Извлечь из наблюдения удовольствие и обогатить за чужой счет собственный опыт – это уже следующая градация. За которой следует высшая ступень: уметь наблюдать за собой наблюдающим. Возможно, лучший способ разобраться в себе.

Книжка, которая сейчас перед вами, завершает... как бы это назвать? Трилогию – пафосно. Триптих – неблагозвучно. Трехтомник – толстовато. Пусть будет просто три сборника наблюдений: «Краткий курс научного карьеризма», «Жизнь как искусство встреч» и «Круиз для среднего класса». Все они – результат подсматривания и подслушивания, угадывания и домысливания. Зачастую – рассматривания своего отражения в зеркале. То есть тех немногих функций, с которыми автор хоть как-то способен справиться.

Итак, давайте понаблюдаем за наблюдателем. В данном случае можно будет сэкономить 300 франков (или иных у.е.), поскольку у нас удовольствие бесплатное.

Финансы поют романсы

Если бы деньги могли говорить, они говорили бы только два слова: «до свидания».

Бернард Шоу

В телевизионной дискуссии о национальной идее популярный политолог произнес фразу, которую по правилам по-

литического редактирования должны были бы вырезать. Но не тронули, подтвердив тем самым ее право на жизнь не на кухне, а в публичном пространстве. Звучала фраза так: не надо ничего выдумывать, поскольку национальная идея уже существует, это – деньги.

А я всю жизнь хотел написать о деньгах. Если точнее, об их влиянии на людей. Вы же не будете спорить с тем, что два чрезвычайно острых человеческих чувства проистекают из двух противоположных действий – обретение денег и утрата денег. И каждый уверен: если деньги к нему пришли, это исключительно его заслуга; если покинули – точно чьи-то проски. Редко бывает по-другому.

Тема денег чрезвычайно плодотворна для сочинительства. «Люди гибнут за металл» и все такое прочее. Но оставив простой вопрос: а что нового тут скажешь? После Шекспира с Пушкиным и Диккенса с Бальзаком. Однако каждое следующее время создает иные обстоятельства. Вот и автор, никак не видя себя в ряду великих, хотел бы описать новые приметы обращения – людей с деньгами и денег с людьми. Приметы именно сегодняшнего дня.

Не скажу, что предлагаемая история в точности списана с натуры, но и вымыслом назвать ее не могу. Фантазии, во всяком случае, гораздо меньше, чем фактов. Так что все совпадения прошу считать не случайными.

1.

Сразу после тостов, в которых юбиляр был назван выдающимся сыном России и ревнителем высших государственных интересов, но еще до того, как пошли пожелания счастья «в семейной и, хи-хи, личной жизни» и абсолютно неизбежные «три коротких, один протяжный, ура – ура – урааааа!», то есть строго между высоким и низким жанрами на сцену ресторана «Метрополь» поднялся Юм. Зал затих в предвкушении поэзии.

*Наш Бэнк – он самых честных правил,
Авторитет его высок.
Он нас бабло отдать заставил —
И лучшие выдумать не мог.*

Аплодисменты. Юм улыбнулся, хоть и слегка завистливо. Он знал, что два его депозита, рублевый и долларовый, не идут ни в какое сравнение с вкладами тех, кто смеется его шуткам. Сбережения Юма и баблом-то не назовешь, – так, деньжата.

*Друг наш сакрален и брутален,
Притом гетеросексуален,
Во всем нетленный образец.
Он так хорош, что впрямь...*

Выразительная пауза, зал замолк в предвкушении.

...что впрямь – улет!

Овация, женские визги. Юм доволен. Такой успех сопровождал его разве что до появления «Камеди Клуб», чьи резиденты, чтоб их, выдавили виртуоза намека и сарказма, звезду знаменитого политического телешоу «Марионетки» на обочину отечественного сатирико-юморизма. Кстати, имя Юм – сокращенное от «юморист».

*Броня у друга – как у танка,
Легко с ним кризис пережить.
Но если Бэнка разозлить,
То содрогнутся в Центробанке!*

Зал ликует. Что ни говори, онегинская строфа – страшная сила. Ну, а теперь грянем финал.

*Он наш герой, он наш гарант,
Наш доверительный гигант!*

Апогей восторга. Председатель правления акционерно-коммерческого банка «Доверительный», он же Бэнк, троекратно целует Юма и раскланивается вместе с ним под натянутым во всю ширину сцены транспарантом: «50 – это

не начало конца, а конец начала!».

Юбиляру рукоплещут двадцать столов, по восемь гостей за каждым. Что-то скандируют сидящие за главным столом Гос (в недавнем прошлом большой государственный чиновник, ныне сенатор от морозного дотационного региона), Сил (отошедший от дел руководитель силовой структуры), Деп (народный избранник, трехкратный фракционный перебежчик), Преф (не преферансист, но заместитель префекта столичного округа на полтора миллиона человек), Пос (пожиз-

ненное «ваше превосходительство», бывший посол в не самых развитых странах).

За ближним столом звенят бокалами Строй (управляющий ремонтно-строительным трестом, занятым нескончаемой сменой асфальтодорожного покрытия), Проф (не путать с Префом; профессор, проректор негосударственного вуза), Реж (режиссер-постановщик популярных телесериалов о десантуре, морпехах и других героических беретах), Док (искусный, хотя и без высоких степеней, хирург, школьный товарищ юбиляра), Поп (не поп-музыкант, а натурально поп, православный священник).

Купаясь в любви и благодарности, Бэнк совершает ритуальный обход столиков, обнимаясь с гостями и не особо вслушиваясь, что кричат ему на ухо Страх (совсем не страшный руководитель страховой компании), Худ (популярный художник, мастер портретной лести), Суп (не блюдо, а совладелец сетевого супермаркета), Комп (не компьютерщик и не компроматчик, а композитор), Тел (телеведущий ранних утренних и поздних ночных эфиров), Реет (владелец ресторана, точнее – трактира «Семеныч», любимого места демократичного юбиляра).

Каждый из этих людей искренне предан Бэнку, и он тоже любит их всех, таких несхожих меж собой, но объединенных одним-единственным – зато каким! – словом. Это магическое для каждого банкира слово – вкладчик.

2.

Банку «Доверительный» было от роду двадцать лет, он несколько раз менял владельцев и в рейтинге российских банков занимал триста-какое-то место. Выше не поднимался, но и ниже не сползал. Бэнка, постепенно прибравшего к рукам блокирующий пакет акций и ставшего председателем правления, вполне устраивало малозаметное место его кредитного учреждения.

С виду банк был вполне обыкновенным, исправно обслуживал население, выдавал кредиты, и рядовому клиенту было невдомек, почему он попеременно встречается здесь депутата, режиссера, бывшего министра, спортсмена, ученого, политика и прочих медийных персон, которых показывают по телевизору. А ему, рядовому, и не полагалось знать того, что было известно лишь посвященным.

Название «Доверительный» исчерпывающе отвечало истинной сути банка. Вкладчики категории А, как называл их Бэнк, доверяли ему свои деньги, которые он размещал под очень высокие проценты, раза в полтора выше тех, что рекомендовал Центробанк. При этом предупреждал, что в открытую делать этого не может, ЦБ шкуру сдерет, поэтому депозиты приватные (приятное слово), в реестре банка не значатся, сами же деньги работают, обеспечивая аппетиты своих владельцев, в стабильных европейских государствах. Риски

нулевые, проценты ежеквартальные, возврат вклада по первому требованию.

Взыскательную и капризную категорию А условия устраивали. Помимо сказочных процентов, был еще один важный нюанс: многие вип-клиенты не хотели светить свои доходы, а держать деньги в не приносящей прибыли банковской ячейке душила жаба. Присутствие же рядом с тобой привилегированных персон, помимо того, что поднимало тебя в собственных глазах, еще и снимало сомнения относительно надежности Бэнка и всего его заведения. Какие вам еще гарантии?

Ко всему прочему «Доверительный» был элитным клубом, приятным во всех отношениях. Он размещался в небольшом, но прекрасно отреставрированном особнячке на Гоголевском бульваре. При подъезде вип-клиента открывались ворота, помощник председателя правления (младший племянник Бэнка) уже встречал гостя, охрана демонстрировала готовность отдать за него жизнь, а секретарша (жена старшего племянника), лаская его глазками, вела в приемную, где уже ждал, открыв объятия, счастливый шеф. Ритуал демонстрации уважения, отточенный до деталей, не нарушался никогда.

Сначала решали деловые вопросы, для чего помощник отводил вкладчика в специальную комнату, где сидел сотрудник по особым поручениям (родной брат председателя правления). В этой комнате с толстой металлической дверью находились массивный сейф и аппарат для пересчета денег, здесь шуршали фиолетовые, зеленые и красные купюры. И отсюда с чувством исполненного долга гость возвращался в кабинет первого лица.

Надо заметить, что кабинеты банкиров мало чем отли-

чаются друг от друга. К кому ни зайди, увидишь громадный рабочий стол красного дерева, кресла и диван, обтянутые темно-зеленой кожей с золотыми заклепками, многоярусную библиотеку, где выстроены переплеты Брокгауза-Ефрона и иных раритетов, в которых хозяин не догадался разрезать страницы. По стенам развешаны в рамках благодарственные письма, подписанные руководителями могучих ведомств. На видном месте обычно выставлены предметы увлечения владельца – старинные сабли-пистолеты или китайские вазы эпохи Мин. Не считается нескромным повесить свой портрет работы Шилова или Никаса. При всем многообразии деталей банкирский стиль содержит один-единственный посыл: в нашем банке все офигенно, немедленно несите сюда ваши деньги!

Кабинет Бэнка наследовал этой традиции, хотя понтов было меньше. Никаких ваз и сабель, никаких энциклопедий; имелся, правда, портрет работы Худа. Денег за него автор не взял, попросил взамен накинуть пару процентов на и без того непомерную ставку; Бэнк, улыбнувшись, накинул полтора. Центральное же место в кабинете занимал огромный круглый стол, где постоянно обновлялись напитки и закуски и где многие уважаемые гости перезнакомились меж собой.

Несмотря на нечеловеческую занятость, вип-клиенты с удовольствием приезжали в банк пару раз в неделю, даже без всяких дел, а просто, чтобы насладиться приятной компанией и остроумной беседой. Тех, кто засиживался до обе-

да, Бэнк вел для продолжения банкета в соседний с банком трактир «Семеныч», названный в честь знаменитого барда. Владелец заведения, он же Реет, как мы помним, тоже был вкладчиком, так что принимал сотоварищей по высшему разряду. И первый спич, всегда один и тот же, произнесил Бэнк: «Мечта каждого банкира – жить как можно дольше и умереть в один день с клиентом!». Компания отвечала овацией.

Так за десяток лет хитроумный и общительный Бэнк, выражаясь по старинке, сформировал коллектив вкладчиков. Эти люди, которых жизнь сделала глубокими индивидуалистами, сами себе удивляясь, действительно стали подобием коллектива: звали друг друга на дни рождения, ходили на презентации и выставки, на матчи и премьеры, устраивали на лечение, учение и отдых, помогали детям с работой, внукам – с детсадами и гимназиями. Оказалось, что деньги, лежащие в одной кубышке, сплачивают их владельцев, создают, можно сказать, чувство родства. Размеры накоплений, разумеется, никто не обсуждал, это было бы неприлично, но бывалая публика определяла объем вклада по косвенным признакам. С минимальными, заметим, погрешностями.

Словом, всем было хорошо, но особенно – Бэнку. Он радовался, что так ловко закрутил в вихре вальса влиятельных людей, которые мудро отвели ему место первого среди равных, и это, конечно же, льстило и поднимало самооценку. Но банкир испытывал не только гуманитарное удовольствие, –

вкладчики приводили новых клиентов, тоже, как правило, непростых людей. Соответственно множились связи Бэнка – он называл их «вязки». А вязки создавали ощущение защищенности; случись что – всегда можно позвать подмогу.

И это «что» случилось.

В «Доверительный» заявила проверка из Центробанка. Вроде бы, ничего необычного, такие комиссии приходили и прежде, но эта уселась всерьез и надолго. Бэнк забеспокоился, стал подозревать злодейские козни врагов, которые, конечно же, у него были, как у всякого банкира. Чутье подсказывало, что все это неспроста.

Через три месяца цэбэшники официально представили результаты проверки. Накопали неплохо, предписали меры исправления, в том числе ограничивающие банковскую деятельность. Неприятно, хотя не смертельно. На душе, однако, сделалось муторно, – если Центробанк регулярно отзывает банковские лицензии, кто поручится, что следующим не схлопнешься ты?

Адвокатская контора, с которой сотрудничал «Доверительный», пообещала Бэнку провести разведку и закрыть проблему, ежели она действительно существует. Бэнк дал денег и попросил максимально ускориться, пока не задергались вкладчики.

Но оказалось, что вкладчики не лыком шиты и уже прознали о результатах проверки. Первым явился Гос, на другой день пришла троица – Сил, Деи и примкнувший к ним Поп.

На посуровевших лицах товарищей была написана тревога. Бэнк завертелся волчком, славно угостил визитеров, те, хоть и набрались, но точно не успокоились. На третий день вернулся Гос и сказал, что забирает свои вклады. Председатель правления кинулся объяснять, что это, конечно же, святое право вкладчика, но общая сумма очень крупная, в кассе ее нет, нужно вынуть из оборота, а это потребует времени. «Вот и вынимай, даю неделю», – холодно молвил Гос и удалился, не забыв хлопнуть на дорогу коллекционного кальвадоса. У Бэнка заныло сердце. Придется отдать деньги, иначе склочный Гос поднимет шум, и все остальные тотчас примчатся требовать свое.

Меж тем адвокаты нарыли нерадостные новости: по результатам проверки «Доверительный» угодил в пятую экономическую группу – низшую. Именно из нее Центробанк обычно вынимал кандидатов для жертвоприношения. Закрыть вопрос можно только на высоком уровне, сказали стряпчие, но тут, сами понимаете, нужна сумма с иным количеством нулей.

Положение становилось критичным. Трубить тревогу и подключать вязки слишком рискованно: даже если и оттащут от края пропасти, тут же истребуют назад свои деньги и обвалят банк. Но делать что-то было необходимо, причем очень быстро. Ночь Бэнк провел в расчетах, наступивший день – в хлопотах, а следующим утром включил Интернет и узнал нижеследующую новость: Центральный банк Россий-

ской Федерации отозвал у кредитной организации банк «Доверительный» лицензию на осуществление банковских операций.

Как было сказано далее, решение о применении крайней меры воздействия принято в связи с неисполнением кредитной организацией федеральных законов, регулирующих банковскую деятельность, и нормативных актов ЦБ. Также была принята во внимание реальная угроза интересам кредиторов и вкладчиков. В банк назначена временная администрация, полномочия его исполнительных органов приостановлены.

Бэнк выключил компьютер, мобильники и городской телефон, выпил полпакета молока и завалился спать. Ему надо было набраться сил.

В банке он больше не появился.

3.

Вкладчики категории А начали собираться группами через неделю после закрытия банка. Встречи происходили в «Семеныче», таком привычном, что людям казалось, будто вот-вот откроется дверь и войдет их благодетель, неся в каждой руке по баулу. В баулах, ясное дело, будут аккуратно расфасованные деньги, и Бэнк, любуясь произведенным эффектом, раздаст полиэтиленовые пакеты. «Каждому – по вкладу его, – весело провозгласит он. – А вы уж в штаны наложите!».

Но дни шли, а чудного мгновенья не наступало. Три мобильника и домашний Бэнк не отвечали, от него сигналов тоже не было. Да позвонит он, повторял, как заклинание, Док, сто процентов позвонит, он приличный человек. Каждый может быть приличным, когда все хорошо, хмуρο ответственвал Суп, а у Бэнк сейчас хорошего мало. Да что ты говоришь, срывался на крик нервный Страх, хапнул столько наших бабок, а говоришь, хорошего мало!

Давайте без паники, снова твердили мягкосердечные, надо войти в его положение, мы же друзья. А вот он-то, вопрошали скептики, он-то нам друг? Да, мы давно знакомы, многие из нас сделали для него что-то важное. Док сшил по кусочкам его жену после аварии. Реж засунул его бесталанную дочь во ВГИК. Проф устроил ему докторскую диссертацию. Сил представил его дядям с большими погонами. Да что там говорить – мы привели в его банк серьезных людей, и они, не дай бог, еще выкатят нам за это предьяву. Да если разобратся, Бэнк вообще поднялся благодаря нам! Поднялся нам благодаря – и отблагодарил, скаламбурил Юм.

А кто из вас в последние годы слышал от него хоть раз слово «спасибо», вдруг спросил Реет, втайне обиженный тем, что загульные новогодние корпоративы Бэнк устраивал не в «Семеныче», а в «Метрополе». Ставлю вопрос на голосование. Ну! Ни одной руки не поднялось.

Забронзовел наш банкир, молвил Деп. Решил, что не мы доверяем ему свои деньги, а он соглашается их у нас при-

нять. И компания взгрустнула, испытав прилив недобрых предчувствий.

Тем временем из банка приходили прескверные новости. Уже первые дни работы временной администрации показали, что там царил полнейший бардак. На балансе банка осталась смехотворная сумма, касса вообще была пуста. Депозиты вип-клиентов, естественно, никак не отражались в банковской документации, а это означало, что даже страховой суммы в размере 1 миллион 400 тысяч рублей никто не получит. Некоторые вкладчики из ближнего круга числились директорами компаний или индивидуальными предпринимателями и имели официальные счета, так вот эти счета к изумлению их распорядителей тоже были обнулены.

Мало этого. Многие вип-клиенты в разное время оформляли в «Доверительном» кредиты, и теперь всплыло, что, подделав подписи и использовав данные прежних документов, на них повесили новые кредитные обязательства, очень даже нехилые. Первыми посетившие временную администрацию Пос, Юм и Худ выяснили, что, оказывается, каждый из них должен выплатить по кредиту десяток миллионов рублей. По су стало плохо с сердцем, вызывали «скорую».

Клиенты взяли за грудки сотрудников банка, которые со скорбными лицами продолжали ходить на работу и отвечать на вопросы офонаревшего руководителя временной администрации, который, поработав на руинах нескольких банков, уверял, что такого беспредела не видал нигде. Но сотрудни-

ки – братья, племянники, жены племянников и прочая родня родни Бэнка – божились, что ничего не знали, ни в чем не участвовали, а только выполняли прямые поручения руководства, но ведь за это ничего не будет, правда?

Им объяснили, что будет, и еще как будет, присядут все рьез и надолго. Тогда родня, наскоро обсудив ситуацию, принялась дружно сливать шефа и благодетеля. Рассказывали про подозрительных людей, на которых оформляли кредиты, про фирмочки с признаками помоек, куда переводились деньги, про участвовавшие командировки председателя правления в близлежащие страны Балтии... Закладывали, словом, по полной программе, вымаливая себе пощаду.

Само собой, в «Семеныче» все это живо обсуждали, и напряжение росло по крутой траектории. Он что, не понимает последствий, горячились випы, уж мы сумеем испортить ему жизнь, и он это точно знает. Откуда взялась такая борзость? Не иначе, как от жадности, предположил Проф.

Бэнк был жутким скупердяем, все это прекрасно знали. И теперь вспоминали, какой горестной становилась его физиономия, когда приходило время платить за обед. Таким жмотам даже жадные немцы придумали насмешку: «Слишком долго ищет бумажник». Бэнк до изнурения изучал счет, требовал разъяснений от официанта, потом спрашивал со-трапезников, найдется ли мелочь на чаевые, а то у него нет с собой наличных, и только после этой тошнотворной церемонии платил – корпоративной банковской карточкой, то

есть фактически деньгами клиентов. Вкладчики даже шутили меж собой, что его сквалыжничество – это гарантия сохранности их финансов.

Но бытовая жадность – это одно, а вот заграбастать гору чужих денег – это уже совсем другой полет, это экстра-ультра-супер-жадность, отшибающая мозги.

В любой морали скрыта арифметика. Карл Маркс утверждал, что нет такого преступления, на которое не пойдет капитал ради трехсот процентов прибыли. А тут даже не триста, тут многие тысячи процентов чистой прибыли. Перед такими цифрами не то что дружба, благодарность, сочувствие, стыд, но даже страх, что тебя укокошат, – все меркнет.

Вкладчики были уверены, что в России и тем более в столице Бэнка уже нет. Но его кузен, прибежавший отработать прощение, донес, что виделся с ним, живет в Москве на съемной квартире, а где именно, он не сказал, зато сказал другое. А чего они от меня хотят, сказал Бэнк, имея в виду вкладчиков категории А, они окупили свои деньги, какие претензии?

Новость настолько всех сразила, что кузену пришлось пояснить ее наглядным расчетом. Допустим, десять лет назад вы положили в банк миллион неважно чего под десять процентов, проценты были выплачены, вот и получается, что ваш миллион к вам вернулся. Никто никому ничего не должен, вот что имел в виду Бэнк.

Потрясенные слушатели минуту молчали, а потом хором

взвыли. Ах вот, значит, как, – прокрутил наши деньги и засунул себе в карман? И все его гарантии возврата псу под хвост?! Да это самый настоящий грабеж! Теперь, значит, на наши бабки жировать будет? Поменяет имя-фамилию, получит новый паспорт и новое гражданство? Сделает пластическую операцию, изменит отпечатки пальцев и сетчатку глаза? Слиняет на остров Борнео греть пузо на пляже?

Нет, мил человек, номер не пройдет. Ты поймел не государство, которое ищет преступника по своим правилам: оперативные действия, возбуждение уголовного дела, следствие, суд, международный розыск, требование выдачи... Ты кинул частных лиц, к тому же своих товарищей, и целый полк охраны не уберезет тебя от сурового и абсолютно заслуженного наказания. Уж мы постараемся, не изволь сомневаться!

4.

А Бэнк в это самое время тупо бухал. Вернее, не тупо. Алкоголь обострял его ум, и когда надо было сконцентрироваться, он всегда в одиночку пил и записывал приходящие мысли. Вот и сейчас убеждал себя в том, что все сделал правильно. В некотором смысле переживал ломку – ломал сам себя.

Он находился на границе Московской и Смоленской областей, в кое-как приспособленном под жилище древнем стро-

ительном вагончике. Эта, с позволения сказать, недвижимость вместе с четырьмя сотками заросшей бурьяном земли была его личным имуществом, приобретенным еще с первой женой. Бэнк не был тут лет двадцать, а вот поди ж ты – пригодились лачуга. Места этого никто не знал, он добрался сюда на электричке, дальше сельским автобусом, никаких следов. Мобильник купил у бомжа на вокзале, но в этой глуши телефон не ловил. Может, и к лучшему. Вискарь привез из Москвы, а консервированной закуской затарился в деревенской палатке.

Он пил и перебирал в памяти своих вип-вкладчиков. Разумеется, банкир дорожил кругом общения. Ему льстило, что его окружают большие люди, со связями и влиянием. Будь его воля, ни за что не покидал бы милого общества. Но не сложилось.

Бэнк помнил размеры всех вкладов всех випов. Он всегда гордился, что многие из них держат в «Доверительном» большую часть своих денег, а некоторые – вообще все накопления. И ему было несложно смоделировать перспективы клиентов.

У Режа погорели неплохие деньги, но он в фаворе, работает еще. Жаль, конечно, что пришлось экспроприировать поступившие на счет его продюсерской компании средства для нового фильма, но ничего, найдет новых инвесторов, к примеру, на сериал о подлом банкире. Прости, Реж. Спасибо, что дочь устроил во ВГИК на актерский факультет, но

снимать в своих картинах не хотел, не нравилась.

Проф тоже потерял немало, но и он не пропадет, будет доить абитуриентов да диссертантов. С него самого, с Бэнка, он тоже взял полета зеленых за докторскую диссертацию. Мог бы скидку сделать, но нет, сказал, что это ребятам за поддержку Наврал, все себе забрал и вскоре этими же купюрами пополнил свой депозит, Бэнк по номерам сверил. Вроде, дружбан, а на деле сукин сын.

Бэнк специально извлекал из памяти раздражающие факты, это помогало глушить чувство вины, бесследно избавиться от которого никак не получалось. Всякий-разный компромат нашелся на всех, кроме Дока. Док был тем самым верным другом, о котором мечтает каждый мужик и который мало кому в этой жизни дарован. Он первую жену Бэнка, когда та разбилась на машине, раз десять прооперировал и потом два года выхаживал. Пока не умерла. И когда Бэнк протянул ему деньги в конверте, Док не только не взял, но еще и наорал на него. И плакал у гроба.

С деньгами у Дока было слабовато, зарабатывает он с трудом, хотя врач отличный. Все хотел скопить на какой-то дорогой медицинский прибор, теперь без шансов. Может, как-то по-тихому компенсировать ему потери, хотя бы часть... Нет, нельзя, сделаешь крохотное исключение – накличешь большую беду. Прости, Док, ничего не получится.

Черт, уже бутылку «Чиваса» выпил, а совесть все равно шевелится. Легко тырить из какого-нибудь регионально-

го бюджета или пенсионного фонда, взял – и никаких угрызений. А тут – совсем не безымянные, одушевленные существа, чьи жизни ты искривил и перемолол в труху. Оставил без будущего их самих и их детей. Нанес раны, которые не заживут уже никогда. И теперь кто-то рыдает по ночам, бьется в истерике, кто-то ушел в запой, кого-то ждут инфаркты и преждевременные смерти. А ведь есть еще родственники, сотрудники банка, повиновавшиеся тебе беспрекословно, у них впереди следственные действия, допросы с очными ставками и, если повезет, условные сроки.

Ну, все, довольно самоедства, иначе сам себя до инфаркта доведешь, а в этой дыре тебе никто не поможет. Так что, граждане обманутые вкладчики, забудьте вашего персонального банкира. Все вы люди грамотные, знали, на что шли, когда не светили свои доходы и при этом получали такие роскошные проценты, какие, кроме меня, вам никто бы не дал. Вместе рисковали, вместе вляпались. Закрытие банка – это не страховой случай, а чистый форс-мажор. Так что никаких выплат, никаких компенсаций, не надейтесь и не ждите.

То, что в случае закрытия «Доверительного» он никому ничего не вернет, Бэнк постановил уже тогда, когда прочитал жесткие выводы проверяющих из ЦБ. Тогда-то он и задумался: кем станет человек, угробивший собственный банк? Пожизненным лузером, вот кем. Если даже не сядешь, связи будут оборваны, репутация угроблена, в морду станут плевать, рубля не подадут. Так жить нельзя. А как можно, есть

ли выход?

Выход, конечно же, есть. Над этим выходом ярко горит призывное, красивое название: «Стыринг и свалинг».

5.

Вкладчики составили план действий, и каждый отправился своей дорогой.

Сил пошел, понятно, к силовикам: найти, принять, надавить. Если потребуется, возбудиться. Если надо, упечь.

Деи пошел к пограничникам: перекрыть границы, чтоб не смылся из страны даже через подземный ход.

Преф пошел в коллекторное агентство: отследить, по каким каналам ушли деньги, и организовать их возвращение.

Строй пошел к бандитам: каким угодно утюгом-паяльником заставить злодея вернуть бабло.

Каждому, кто пожелал участвовать в акции возмездия, нашлось дело. Проф взял на себя космическую разведку, Страх – работу с перепуганной родней, Реж – привлечение экстрасенсов. Поп обещал ежедневно молиться во спасение денег, а также призвать кары небесные на голову нечестивца. В эффективности последней меры вкладчики усомнились, – не столько из-за своего неверия в бога, сколько из-за неверия в то, что в него верует Поп.

Спустя неделю снова собрались у «Семеныча». Былого энтузиазма не наблюдалось. Силовики объяснили Силу, что,

при всем уважении, такие вещи быстро не делаются, не те времена, соблюдаем процедуры. Пограницы вяло пообещали, но предупредили, что субъект может свалить через Белоруссию, а тут они помочь не могут. Коллектор вцепился двумя руками, тут же полез в Интернет, а также попросил назвать конкретную сумму потерь, чего визитеру делать не хотелось, но пришлось; сумма впечатлила. Интереснее всех отреагировали бандиты: честно сказали, что такой заказ к ним уже поступил, и они позвонят, если что.

Все, к кому обращались за помощью, в том числе экстрасенсы, сразу же поставили вопрос об оплате услуг. Коллектор даже изготавил смету предполагаемых затрат. Меньше всех запросили стражи границы, больше всех – разумеется, братва: половину спасенных денег. Относительно привлечения бандитов некоторые вкладчики высказали протест: даже если и отыщут деньги, все заберут себе, да еще и Бэнка закопают. И вообще с криминалом лучше не связываться, себе дороже выйдет.

Короче, дело пошло не так, как планировали. Вяло пошло. Тем временем родня донесла, что Бэнк отправил за границу дочь, а следом жену, предварительно переписав на нее все свое имущество и тут же разведясь. Сам же он по-прежнему ни с кем не встречается, никому не звонит и где обретается, неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.